

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107
УДК 341.24(045)

Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается проблема актуализации немецкой доктрины «Realpolitik» применительно к современной мировой политике. Изложение материала идет по теоретико-методологической линии, сопряженной с обозначением основных подходов к «реальной политике», которые наличествовали в истории политической мысли, и сравнением реалистического направления политологического анализа с нормативно-ценностной парадигмой, а также по практико-ориентированной линии, связанной с обращением к актуальной мировой политической повестке и характеристике тех ее направлений, у которых в качестве базисного начала – политический реализм. При обращении к действительной мировой политике автор делает вывод о том, что реализм особенно актуален в следующих направлениях: сокращение ядерного арсенала и ослабление ракетного потенциала, недопущение развертывания стратегических наступательных вооружений и дислоцирования вооруженных сил конкурирующих военно-политических блоков на приграничных территориях, борьба с международным терроризмом, а также предотвращение последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: «Realpolitik»; «реальная политика»; политический реализм; мировая политика; нормативно-ценностный подход

Для цитирования: Зубов В.В. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):100-107. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107

ORIGINAL PAPER

The German Doctrine of “Realpolitik” Through the Prism of Modern World Politics

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The proposed paper examines the problem of updating the German doctrine “Realpolitik” in relation to contemporary world politics. The presentation of the material follows a theoretical and methodological line, associated with the designation of the main approaches to “real politics” that were present in the history of political thought. Secondly, it compares the realistic direction of political science analysis with the normative-value paradigm and a practice-oriented line, associated with an appeal to the current world political agenda and the characteristics of those directions that have political realism as a fundamental principle. When referring to real-world politics, the author concluded that realism is especially relevant in the following areas: reducing the nuclear arsenal and weakening the missile potential, preventing the deployment of strategic offensive weapons and the deployment of armed forces of competing military-political blocs in border areas, the fight against international terrorism, as well as preventing the consequences of the new coronavirus pandemic.

Keywords: “Realpolitik”; “real politics”; political realism; world politics; normative-value approach

For citation: Zubov V.V. The German doctrine of “Realpolitik” through the prism of modern world politics. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):100-107. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107

ВВЕДЕНИЕ

Современная мировая политика, как, впрочем, и политика предыдущих исторических периодов, является в основе своей социальной деятельностью, которую осуществляют люди, имеющие свои цели, ценности и интересы. Поэтому оттого, насколько стабильна человеческая природа, зависит неизменность политической составляющей общества. В этом смысле основные подходы к политике и в прошлом, и в настоящем не претерпели каких-либо значительных изменений. Совершенствование социума влечет появление новых идеологий, движений и парадигм. Данный процесс характеризуется необратимым динамизмом, однако базовые начала политики, с нашей точки зрения, остаются одними и теми же. К таким началам следует относить, с одной стороны, политику как воплощение морали и, с другой стороны, политику такой, какой она является в действительности — со всеми проблемами, недостатками и, главное, довольно часто встречающимся несоответствием между декларируемым и реализуемым. Второй подход к политике является, в общем, выражением аморализма, хотя именно он служит фактическим началом функционирования политической материи. Первое сколь-либо значимое теоретическое обоснование реалистического направления в политике относится к эпохе Возрождения, однако в политической практике целостное выражение данного подхода связывается только с немецкой политикой второй половины XIX столетия, которая получила название «Realpolitik».

Термин «Realpolitik» вошел в историю мировой политики в качестве характеристики внутри- и внешнеполитического курса рейхсканцлера Германской империи XIX в. Отто фон Бисмарка, посредством которого удалось осуществить объединение Германии в единую империю в 1871 г. по малогерманскому пути, т.е. с доминирующей ролью Пруссии и без инкорпорации германоговорящих областей Австрии. Однако в современном политическом, политологическом и журналистском дискурсах «Realpolitik» трактуется расширительно, как реальная политика, т.е. как совокупность подходов к политической материи и приемов властвования, которые основаны не на каком-либо идеологическом или нравственно-аксиологическом фундаменте, а на

практических и прагматических соображениях, согласуемых с действительными и актуальными интересами подвластному действующим политикам объекта. То есть, в сущности, речь идет о реальной политике в таком виде, в каком ее представлял разработчик одноименной категории, немецкий историк XIX столетия Людвиг фон Рохау. Причем «Реалполитик» Бисмарка как раз-таки восходит к «реальной политике» Рохау. Ввиду того, что тема нашей статьи «генетически» предполагает связь политической истории с современной мировой политикой, то далее, говоря о «Realpolitik», мы будем подразумевать данный термин с точки зрения его расширительного толкования, если речь не будет идти непосредственно о курсе Бисмарка.

Как и любое сложное явление объективной действительности, «Реалполитик» имеет свои исторические и теоретические корни, а также предпосылки, которые повлекли за собой кристаллизацию набора однородных подходов к политике в стройную концепцию и политическую практику. Следовательно, необходимо обозначить основные теоретико-методологические подходы к «реальной политике», которые наличествовали в истории политической мысли, а также провести сравнение между реалистическим направлением политологического анализа и нормативно-ценностной парадигмой как антиподом политического реализма.

С другой стороны, в самом начале публикации был обозначен тезис об исторической преемственности реалистического подхода, а значит, необходимо обратиться к актуальной мировой политической повестке и охарактеризовать те ее направления, у которых в качестве базисного начала — политический реализм. Благодаря подобному соотношению идеального и материального удастся представить обоснования сформулированного ранее мнения. Таким образом, далее статья содержательно разбита на теоретико-методологический и практико-ориентированный разделы, которые, в свою очередь, подразделяются на более узкие подразделы.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИКЕ

Обозначенная в названии подраздела проблема соотношения двух исторически и логически противоположных подходов к политике определенно не является новой для политической науки. Дан-

ная тема давно стала базовой для учебных курсов политологии, и ее рассматривают практически в каждом профильном учебнике или учебном пособии в контексте непреходящей проблемы соотношения политики и морали. В этой связи едва ли мы привнесем что-либо новое в процессе написания данной части статьи, но, по крайней мере, постараемся актуализировать классическую проблему политической науки.

В сущности, нормативно-ценностный подход можно определить как направление, которое рассматривает политику и политическое поведение с точки зрения соответствия или несоответствия этическим категориям или морально-нравственным идеалам. В этом смысле «хорошая» политика — та, которая соответствует неформальным критериям человеческого сосуществования, а «плохая» — та, которая идет вразрез с укоренившимися моральными установками. Причем слова «хороший» и «плохой» применительно к политике взяты в кавычки намеренно, — тем самым мы пытаемся показать, что нормативно-ценностный подход апеллирует к таким категориям, которые носят оценочный и субъективный характер — настолько, насколько размытыми представляются все категории этики.

Зачатки нормативно-ценностного подхода можно найти уже в концептуальных положениях древнегреческих философов. Так, ядром политико-философской системы **Платона** является представление о счастье как о соответствии между социальными классами, функционалом и добродетелями. Если имеет место гармоничное сочетание классово-принадлежности — к правителям (философам), управляющим (воинам) или производителям (ремесленникам и земледельцам) с функционалом, вытекающим из места в стратификационной структуре (правление, управление и производство соответственно), и добродетелями (мудрость, мужество и послушание соответственно), то речь идет о счастье [1]. Стало быть, добродетель в политике — это признание человеком своего предустановленного положения в обществе и формирование в себе тех компетенций, что соответствуют данному положению. Развитие этического подхода к политике можно встретить у ученика Платона — великого древнегреческого философа **Аристотеля**, которого принято считать основателем политической науки. Для Аристотеля политика — это наука

о высшем благе человека и государства. Целью политики является счастье и благосостояние человека и полиса. В данной трактовке трудно не увидеть синкретизм: политика, хотя и является самостоятельной сферой, но в то же время немислима без морали и экономики. При этом синкретизм аристотелевской интерпретации политики представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного. Если благосостояние возможно измерить какими-либо количественными параметрами, то счастье (высшее благо) — состояние предельно субъективное. Тем не менее синтезирование морали и политики не мешает Аристотелю обращаться к натуралистическим подходам, когда он говорит о том, что политика является продуктом естественного развития людей, «творением природы». По мнению мыслителя, государство (полис) — продукт наивысшего развития людей, который возник путем объединения людей в семьи, семей — в селения, а селений — в государство.

Конечно, нормативно-ценностный подход далеко не ограничивается воззрениями Платона и Аристотеля. Однако его дальнейшее изложение выходит за рамки настоящей статьи, поскольку нам необходимо лишь в общем виде очертить контуры «этической» политики как такого политического анализа, который задействует моральные принципы и нормы.

Что касается политического реализма, то его теоретико-методологическим разработчиком принято считать выдающегося итальянского политического мыслителя эпохи Возрождения **Никколо Макиавелли**. Он является типичным представителем философии гуманизма. Это значит, что Макиавелли пользуется рациональной методологией политического анализа и решительно освобождает политическую науку от догм католической схоластики. Анализируя феномен политического, следует, по Макиавелли, исходить не из представлений об «общем благе», справедливости или божественной providенции, а из природы и интересов человека. То есть в центре внимания мыслителя — не абстрактные категории, а политика такая, какой она является в действительности, и такие интересы людей, которые наличествовали в истории и продолжают проявляться здесь и сейчас. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что религию — основу мировоззрения людей того времени — Макиавелли определяет ути-

литарно: не как воплощение высшего знания и авторитета, а как общественное образование, имеющее некоторую социальную функцию. И в зависимости от этой функции религии бывают позитивными и негативными. Религии, воспитывающие качества, Макиавелли относит к деструктивным, религии, способствующие выработке гражданских качеств, — к полезным.

Известность Макиавелли выходит далеко за пределы политической науки. Обыденное сознание нередко идентифицирует имя Макиавелли с фразой «цель оправдывает средства». Причем ни в «Государе», ни в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия», ни в «Истории Флоренции» сам автор такой речевой оборот не использует. Тем не менее сам оборот во многом является квинтэссенцией политических воззрений Макиавелли, которые впоследствии стали именовать макиавеллизмом. Макиавелли дает государю индульгенцию на нарушение нравственных заповедей. Он считает, что государь должен, когда обстоятельства не дают ему другого выбора, прибегать к безнравственным средствам, при этом стараясь доказать, что его поведение безупречно и добродетельно. Тот, кто не поступает таким образом, обрекает себя на верную гибель, поскольку он не сумеет бороться с теми, кто наверняка применит против него предосудительные средства. Кроме того, говоря о добродетели, Макиавелли замечает, что «добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными», поскольку, если подданные развращены, то «добрые дела могут ему [государю — В.З.] повредить» [2]. При этом стоит подчеркнуть, что аморальность, по Макиавелли, не является максимой: это всего лишь один из способов упрочения власти, применяемый там, где это необходимо. То есть в конечном счете цель государя — это удержание власти и только. Именно этим обстоятельством может обосновываться проявление жесткости, но никак не демонстрацией силы с целью сублимации собственной неуверенности.

Несмотря на то что политическая картина Макиавелли отличается ярко выраженным имморализмом, фундамент макиавеллизма составляют этические категории любви и страха. Правителю необходимо определить свою модель поведения в зависимости от того, что он ждет от своих подданных: любовь или страх. Наилучшим вариантом является такая поли-

тика, которая находит отклик одновременно и в виде любви, и в виде страха. Однако поскольку это практически недостижимо, методы политической власти должны приводить к страху. Такое умозаключение Макиавелли обосновывает тем, что любовь из-за испорченности человеческой природы слаба и неустойчива, а страх наказания всегда эффективен, к тому же любить или не любить правителя — это прерогатива подданных, которая от властителя не зависит, в то время как внушение страха полностью зависит от действий государя. Таким образом, Никколо Макиавелли стал первым политическим мыслителем, кто связал политику с социальной действительностью и определил соотношение политики и морали в пользу интересов правящих субъектов.

На основании отмеченного выше нетрудно заметить, что ни нормативно-ценностный, ни реалистический подход к политике не были представлены в рафинированном виде. С одной стороны, некоторые последователи «этической» политики пытались рассматривать последнюю как продукт объективно складывающихся общественных отношений, с другой стороны, «реалисты», несмотря на свой прагматизм, прибегают к категориям этики, хотя их отношение к ним носит крайне безразличный характер.

«РЕАЛЬНЫЙ» АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

На основании анализа политической концепции Н. Макиавелли можно заключить, что реализм в политике тождественен имморализму. Во многом это действительно так, однако сводить «реальную политику» исключительно к игнорированию морали — это все равно, что впадать в неоправданное упрощение. «Реальный» анализ политического — это не только и не столько дистанцирование от этики, сколько попытка беспристрастной оценки политики без обращения к устоявшимся стереотипам — научным, общественным, философским и т. п. В этой связи не должно вызывать удивления то обстоятельство, что реалистическое описание политической жизни осуществляется не только в русле политических наук, но и в рамках философии, социологии, антропологии, юриспруденции.

С точки зрения философии политический реализм больше всего близок к методологии позитивизма. Сторонники последнего направления делают упор на эмпирических исследованиях как способе получения подлинных знаний, т.е. речь идет не более чем об адекватной интерпретации действительности, но никак не о «подгонке» результатов под заданные этические установки. Даже если знание «неэтично», но соответствует реальности, оно признается ценным.

С точки зрения социологии политический реализм больше всего близок к конфликтологической теории, одним из последователей которой является выдающийся немецкий мыслитель и социолог **Макс Вебер**. Для философа основой политической и социальной жизни является не стремление к гармонии и поиску связующих ценностей, не согласие и солидарность, а борьба, господство и насилие. Конфликт служит фундаментом социальных отношений на всех уровнях: от взаимодействий между людьми до межнациональных связей. «Дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* — физического насилия», — утверждает Вебер в сборнике «Политика как призвание и профессия» [3]. И хотя сводить политику и социум исключительно к конфликтам и борьбе, с нашей точки зрения, не следует, говорить о политике как о стремлении к прогрессивному развитию также не приходится. Именно в последнем и кроется актуальность концептуальных положений политической социологии М. Вебера.

Из антропологии «реальная политика» может позаимствовать выводы, касающиеся исследования психологии массового поведения. Признанным пионером данной области считается французский антрополог, психолог и историк **Гюстав Лебон**, а его фундаментальная работа «Психология масс» является политическим бестселлером [4]. Лебон дал подробную характеристику толпы как особого образования, в котором каждый ее член, по сути, отказывается от интеллектуальной деятельности и подчиняется инстинктивным законам. В толпе рациональные опасения страха элиминируются, поскольку формируется искаженное представление об отсутствии ответственности

за совершаемые действия. Поведение толпы предельно примитивно, а ее «коллективный» интеллект равен интеллекту наименее развитого участника. По этой причине эффективным способом управления толпой может служить формулировка элементарных и понятных лозунгов, обращенных к эмоциональной сфере, а также призыв к наиболее простым действиям. Реализм Лебона в данном случае состоит в безразличном отношении к гуманистической концепции уважения человеческой личности. Толпа — это, в общем, собрание людей, и раз каждый человек достоин уважения, то на такое же признание может рассчитывать и толпа. Тем не менее Лебон старается апеллировать к действительности, а не к признаваемым социальным конструкциям.

Политический реализм в преломлении через юридическую науку может рассматриваться как минимум в двух разрезах: 1) соотношение суверенной власти и права; 2) реализм как собственное направление юридической науки.

Если говорить о соотношении суверенной власти и права, то стоит заметить, что данная проблема не относится напрямую к реализму. Еще видный представитель договорной теории **Томас Гоббс** в «Левиафане» [5] рассматривал доктрину «суверена» и пределы суверенной власти, которые ограничиваются гарантиями общественной безопасности, а также неприкосновенностью принадлежащего гражданам имущества [6]. Собственно соединение концепции «суверена» с реалистическим анализом осуществил немецкий юрист и философ **Карл Шмитт**. По мнению Шмитта, конституционный порядок и позитивное право имеют значимость именно для стабильных обществ. Как только в обществе происходят хаос и дезорганизация, сила правовых установлений должна заменяться силой суверена, который является в конечном счете тем, кто принимает решение о чрезвычайном положении. Реализм Шмитта в данном случае состоит в том, что он абстрагируется от представлений о всеобщей ценности правового государства и верховенства права. Это объясняется тем, что действительная политическая обстановка может складываться таким образом, который не предполагает действий согласно нормам права, адаптированных для стабильной ситуации.

Что касается реалистического направления политико-правовой мысли, то оно связывается

с именем немецкого юриста **Рудольфа фон Иеринга**. Непосредственный «реализм» данного направления состоит в том, что правовая материя рассматривается не как анализ законоположений, а как средоточие человеческих интересов и мотивов, сопряженных с правом. В этой связи неудивительно, что Иеринг призвал переходить от «юриспруденции понятий», догматической юриспруденции, к «юриспруденции интересов». Индивид — это субъект, который реализует свои эгоистические интересы. Возникновение дефицита материальных ресурсов влечет за собой возникновение противоречий между частными и коллективными интересами, что и является отправной точкой для возникновения права и политической власти. Стало быть, право — это не более чем способ установления порядка и сдерживания эгоизма на основе баланса различных интересов.

Таким образом, реализм нельзя считать узкополитическим подходом, а его использование имеет место, в том числе, и в других социальных науках, посредством которых также можно анализировать как политическую, так и иные сферы общественной жизни.

«РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» И РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Политический реализм является не только способом теоретического анализа политических процессов, но и составной частью актуальной мировой политики. Данное обстоятельство представляется вполне логичным: если бы реализм и прагматизм не были доминантами политики, их политологическое рассмотрение было бы лишено всякого смысла.

В действительной мировой политике реализм особенно актуален, по мнению автора, в следующих направлениях:

- сокращение ядерного арсенала и ослабление ракетного потенциала;
- недопущение развертывания стратегических наступательных вооружений и дислоцирования вооруженных сил конкурирующих военно-политических блоков на приграничных территориях;
- борьба с международным терроризмом;
- предотвращение последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Если говорить о политическом аспекте ядерного оружия и ракетно-ядерного арсенала, то необходимо в первую очередь обратить внима-

ние на то, что ни одна ядерная держава к настоящему времени не высказывает намерений об использовании своего вооружения для решения внешнеполитических конфликтов. Последствия атомной войны представляются очевидными, а крупные террористические формирования и нестабильные фундаменталистские режимы лишены доступа к ядерному оружию. Следовательно, речь должна идти о сокращении стратегического наступательного вооружения. Во-первых, его содержание обходится в значительные суммы, во-вторых, данные мероприятия будут способствовать ослаблению международной напряженности. Однако в соответствии с реалистическими интенциями речь идет не об отказе от ядерного потенциала, а именно о сокращении ядерных боеголовок. Наличие некоторых запасов ядерного оружия способствует, с одной стороны, сдерживанию агрессивных намерений конкурирующих игроков на международной арене и, с другой стороны, является гарантией на случай нарушения одной из сторон договоренностей по частичному разоружению.

Как показали недавние события, реалистическая ценность — сокращение стратегических наступательных вооружений — является более значимой, нежели артикулируемые представления о роли того или иного государства на международной арене. В конце января 2021 г. между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки было достигнуто соглашение, касающееся пролонгации Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-III) до 5 февраля 2026 г. Данное обстоятельство, однако, накладывается на антироссийские настроения Демократической партии США в целом и сопутствующую им риторику действующего президента Джо Байдена в частности. Так, первые дни пребывания Байдена на посту главы Белого дома ознаменовались угрозами введения персональных и секторальных санкций в отношении Российской Федерации. Тем не менее эти обещания американского политического истеблишмента в конечном счете оказались лишь популистскими заявлениями, которые продиктованы негативным отношением западного сообщества к реализуемому в нашей стране политическому курсу, что не помешало ему проводить актуальную политику полного и частичного разоружения.

С позиций политического реализма можно также объяснить действия Российской Федерации после тяжелого политического кризиса на Украине, за которым последовало присоединение Республики Крым к составу России. Ряд западноевропейских государств, как известно, не признал вхождение Крыма в состав Российской Федерации. Наша страна подобную позицию посчитала необоснованной, поскольку присоединение Республики Крым было проведено на основании референдума, который соответствовал международному праву. После указанных событий по отношению к России стала применяться санкционная политика, которая в качестве ответной меры повлекла контрсанкции — частичное продовольственное эмбарго на продукцию ряда государств.

Украинский Евромайдан конца 2013–2014 гг. повлек за собой крушение режима В. Януковича и приход к власти проевропейских сил, нацеленных на сотрудничество с США и НАТО и конфронтацию с российским руководством. Взаимодействие Украины с блоком НАТО воспринималось и воспринимается Россией как реальная угроза национальной безопасности, ввиду того что существовала и существует вероятность концентрации войск Североатлантического альянса на приграничных территориях. Кроме того, сотрудничество Украины и НАТО могло повлечь за собой размещение военно-морских сил альянса на территории некогда подконтрольного Украине Крымского полуострова, что уменьшило бы влияние России в Черном море и создало угрозу для прибрежных территорий Российской Федерации. Украинский политический хаос и дезорганизация вооруженных сил стали в этом отношении ключевыми факторами для включения Республики Крым в состав Российской Федерации, что, кроме всего прочего, было осуществлено для защиты национальных интересов в сфере обороны и безопасности.

После событий весны 2014 г. произошел разрыв контактов между военными ведомствами России и США. Однако обострение ситуации на Ближнем Востоке, связанное с усилением экспансии запрещенного в Российской Федерации Исламского государства, стало триггером для возобновления сотрудничества между странами в направлении борьбы с международным терроризмом. В дальнейшем значимость данной проблемы была вновь обозначена избран-

ным американским президентом Дональдом Трампом в 2016 г. в рамках взаимоотношений с российским истеблишментом, а международный терроризм и экстремизм были объявлены «врагами номер один» для РФ и США. То есть, с одной стороны, американское руководство не отказалось от проводимой антироссийской политики, но, с другой стороны, оно восстановило военно-дипломатические контакты с Россией в части борьбы с терроризмом. Иными словами, американским руководством была проведена ранжировка проблем по степени их актуальности, т.е. Соединенные Штаты Америки своими действиями фактически признали, что проблема борьбы с международным терроризмом является более важной, чем продолжение конфронтации с Россией по причине присоединения ею Крыма.

Реализм, кроме всего прочего, не может не учитываться в вопросе борьбы с коронавирусной инфекцией. Глобализация повлекла за собой дальнейшее распространение свободы передвижения граждан, а пандемия коронавируса, в свою очередь, показала, что сдерживание массового заражения в существующих условиях невозможно осуществить исключительно усилиями национальных правительств. С одной стороны, власти ряда государств осуществляют полное или частичное закрытие границ путем прекращения транспортного сообщения, а с другой стороны, они тем самым ограничивают права своих граждан и вступают в конфронтацию с обществом. На данную проблему накладывается также вопрос статуса иностранных вакцин: посетить территорию государства может только тот, кто привит признанной в нем вакциной, а вакцинация в своей стране другой вакциной не признается. При чем речь идет не о реальной эффективности вакцин, а об их правовом статусе в конкретной юрисдикции. Требования политического реализма в части, касающейся недопущения общественного недовольства национальными медико-санитарными бюрократиями, запустили процедуру взаимного признания вакцин, которая, как нам кажется, с течением времени будет развиваться.

Выводы

В заключение обратим внимание на один важный аспект «реальной политики» в практике, который напрямую не связан с мировой поли-

тикой, но вполне явственно характеризует суть политики как таковой. Политический реализм — это, кроме всего прочего, способность выбирать наименее худшее решение из возможных, при том, что все возможные варианты, исходя из сложившейся обстановки, представляются абсолютно аморальными. Мораль — продукт общественного сознания, а реальность представляется куда более многогранной. Потому в реальной политической жизни довольно часто имеют место ситуации, которые полностью исключают этические компоненты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скирбекк Г., Гилъе Н. История философии. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС; 2008. 799 с.
2. Макиавелли Н. Государь. М.: РИПОЛ классик; 2016. 464 с.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик; 2021. 292 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ; 2019. 384 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик; 2016. 672 с.
6. Седых Н. Н. Пределы власти в концепции «суверена» Томаса Гоббса. *Образование и право*. 2019;(4):239–243.

REFERENCES

1. Skirbekk G., Gilye N. History of Philosophy. Moscow: VLADOS Humanitarian Publishing Center; 2008. 799 p. (In Russ.).
2. Machiavelli N. Sovereign Moscow: RIPOL classic; 2016. 464 p. (In Russ.).
3. Weber M. Politics as a vocation and profession. Moscow: RIPOL classic; 2021. 292 p. (In Russ.).
4. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST; 2019. 384 p. (In Russ.).
5. Hobbes T. Leviathan. Moscow: RIPOL classic; 2016. 672 p. (In Russ.).
6. Sedykh N.N. Limits of power in the concept of “sovereign” by Thomas Hobbes. *Obrazovaniye i pravo = Education and law*. 2019;(4):239–243. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (History), Docent, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 25.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.